

УДК 902(470.6)
ББК 63.1(235.7)6
Ш 52
Э.А. Шеуджен

Северный Кавказ в 20-е годы XX века: у истоков исторического знания

(Рецензирована)

Аннотация:

Статья посвящена процессу становления научного краеведения как важнейшей составляющей исторического знания в национальных районах Северного Кавказа.

Ключевые слова:

Кавказоведение, краеведение, Северо-Кавказский регион, исследовательские центры, съезды, конференции, научная традиция, историографический процесс.

В советской историографии утвердилось мнение, что становление исторической науки в национальных образованиях северокавказского регионе в 20-е годы прошлого века фактически происходило «с нуля». При этом из поля внимания исключался дореволюционный опыт, устойчивый интерес известных ученых России к Кавказу. Более того, то обстоятельство, что с момента «вхождения» северокавказского региона в состав России интерес к кавказоведению приобретал все более выраженный академический характер.

При всей значимости накопленного опыта, нельзя не учитывать определяющего влияния на процесс становления исторического знания кардинальных изменений, произошедших в первые послереволюционные годы. На смену отдельным энтузиастам на свой страх и риск, ведущим исследования по истории и этнографии северокавказских народов, пришла целенаправленная работа по созданию региональных научно-исследовательских учреждений. Несмотря на объективные трудности, эти годы стали «золотым веком» для кавказоведения¹, во многом определив дальнейшее развитие исторического знания: складывалась его структура, происходило интенсивное накопление источников, развивалась исследовательская проблематика.

Народы обретали прошлое: кавказоведение реально становилось наиболее значимым научным направлением, вобравшим в себя существовавшие в регионе научные силы и инициативные потоки. К определяющим факторам его

«бурного развития» У. Алиев, один из известных исследователей Северного Кавказа, относил рост национального самосознания народов, сложившуюся традицию организации научными центрами страны историко-этнографических экспедиций в эти районы, повышенное внимание *новой* власти к национально-культурным и бытовым проблемам горских народов².

Уже в мае-июне 1920 года, на территории только что освобожденной от белогвардейцев и интервентов, пронизанной разрухой, голодом, эпидемиями возобновили работу экспедиции Российской Академии наук. Ими было продолжено археологическое, этнографическое и лингвистическое изучение Северного Кавказа давнее, как отмечалось в отчетах, «чрезвычайно ценный материал»³. Благодаря этим экспедициям удалось спасти от полного уничтожения многие исторические памятники, похищенные и разрушенные в годы гражданской войны, провести их учет и научное описание.

В этот процесс энергично включились местные краеведы. По их инициативе возрождались и создавались новые научные общества и организации. На базе краеведческих музеев активную собирательскую и исследовательскую работу развернули Кабардино-Балкарское научно-краеведческое общество, Общество изучения Адыгейской автономной области, Осетинское историко-филологическое общество. Их члены принимали активное участие в археологических, этнографических и лингвисти-

ческих экспедициях, подготовке к изданию сборников народного фольклора⁴.

Координационным научным центром стал открытый в мае 1920 года во Владикавказе Северо-Кавказский институт краеведения⁵, директором которого был назначен известный геолог, профессор С.А. Гатуев⁶. Сотрудниками института, как правило, имевшими опыт научной работы, проводились систематические геологические, орнитологические, климатологические, лингвистические исследования. Несмотря на финансовые трудности, ежегодно организовывались этнографические и археологические экспедиции в отдаленные районы Северной Осетии, Ингушетии, Чечни, Кабарды. В ходе экспедиций приобретались образы одежды, утвари, оружия, делались зарисовки и фотографии хозяйственных построек, разрабатывались статистико-экономические таблицы. Собранные материалы поступали в фонды, созданного при институте научного музея, ставшего за несколько лет крупным собранием оригинальных коллекций⁷.

Институт фактически стал центром, вокруг которого объединялись научные силы региона. Конечно немногочисленный штат сотрудников, трудности финансирования, отсутствие четких перспектив влияли на состояние исследовательской работы. Тем не менее, институт сыграл исключительную роль в становлении научно-исследовательской работы, в пропаганде краеведческих знаний. Именно институтом было начато издание научно-информационного журнала «Краеведение на Кавказе»⁸.

Направленность исследовательской работы института согласовывались с ведущими научными центрами страны, имевшими отношение к изучению Кавказа – Российской Академией наук, Российской Академией истории материальной культуры, Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения, Музеем Народоведения, Комитетом по изучению этнических культур. Только благодаря объединению сил центральных и местных научных организаций стало возможно проведение научных конференций и съездов, организация экспедиций. Причем, объединялись как материальные, так и кадровые ресурсы⁹.

Более того, при разработке планов работы этих научных центров учитывались интересы национальных областей. Так, в 1920 году Ин-

гушский областной революционный комитет обратился в Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) с ходатайством о включении в план научных исследований организацию экспедиции в Ингушетию «для изучения природы, экономики, быта и древностей»¹⁰. Причем, весьма оригинальным, тем не менее, в духе времени, выглядело заявление, что план экспедиции прошел «предварительное обсуждение на заседании ревкома»¹¹.

Тяжелое материальное положение научных центров потребовало принятия чрезвычайных мер. В ноябре 1921 года постановлением Совета Народных Комиссаров была образована Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). С учетом «переживаемого момента» она должна была организовывать помощь ученым «в улучшении материальных основ их быта»¹². В северокавказском регионе действовали Юго-Восточное (Ростов-на-Дону) и Кубано-Черноморское (Краснодар) КУБУ. Центральной экспертной комиссией КУБУ ученые были «разбиты» на разряды, с учетом «производительности» их научной деятельности и «пользы» для государства¹³. При таком подходе лишь немногие ученые, работавшие в гуманитарной сфере, могли рассчитывать на поддержку государства. Философы, археологи, этнографы и другие ученые труд которых не имел «государственной важности» относились к категории «ученого шлама» и могли рассчитывать только на временную, минимальную помощь¹⁴.

Учитывая традиционную направленность научной работы в северокавказском регионе, особую значимость приобретала, проблема объединения немногочисленных «научных сил». В конце 1922 года на Северном Кавказе была создана ассоциация кавказоведов. Благодаря ее усилиям были взяты на учет все безработные специалисты: именно им, по мере появления вакансий, в первую очередь, предоставлялись рабочие места¹⁵.

Под усиливающимся напором политизации краеведческие организации все более теряли «облик» традиционных научных центров. Идеологию науки определяли качественно новые принципы, предусматривавшие практическую направленность проводимых исследований, их подчиненность задачам социалистиче-

ского строительства. На первое место выдвигалась проблема вовлечения научных организаций в разработку вопросов «местного хозяйственного и культурного значения». Именно на «почве этой работы» мыслилось установление делового сотрудничества научных центров с местными органами власти.

Выраженный прагматизм подобной постановки вопроса не поддерживался многими учеными. Такие известные деятели науки как П.П. Семенов-Тянь-Шанский, И.М. Гревс, М.И. Успенский, при обсуждении этого положения в Главнауке, высказывали соображения о неправомерности ограничения круга краеведческой работы и сведения ее к служебной роли – выполнению заданий государственных учреждений¹⁶.

Подобные факты в полной мере отражают «переходность» этого периода: с одной стороны, на официальном уровне утверждалась идея подчиненности науки практическим задачам социалистического строительства, в то время как с другой, продолжала существовать мысль об особом положении науки в обществе («чистой науке», «науке вне политики»). Вполне понятно, что для подобных «буржуазных» воззрений оставалось все меньше места в новом политизированном обществе, пытавшемся превратить науку в «общественно-политическую силу», ввести ее «в русло советского строительства»¹⁷.

Широкое распространение получило проведение краеведческих съездов, конференций и совещаний, привлекавших внимание общественности к «нематериальному» наследию. О них, как о «факторе культурной жизни», писали местные газеты, их решения учитывались при выработке постановлений партийных и советских органов, регламентирующих культурную жизнь.

5-8 сентября 1924 года в Махачкале состоялся учредительный съезд Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации, на котором присутствовало более сорока известных в регионе краеведов. В работе съезда принимали участие секретарь Юго-Восточного крайкома РКП (б) Н.Ф. Гикало, заведующий краевым отделом народного образования К.Б. Тамашевский, председатель Совнаркома Дагестанской республики Д. Каркмасов, член Центрального бюро краеведения академик Н.Я. Марр¹⁸.

Стенограмма съезда передает торжественную и, в то же время, деловую обстановку. Различными были внешний вид, язык, образовательный уровень, политические убеждения выступавших, но объединяла их страстная вера в культурное возрождение народов. В ходе работы съезда были заслушаны информационные сообщения о деятельности Северо-Кавказского института краеведения, Горского сельскохозяйственного института, Ингушского литературного общества, отчеты об экспедиционной работе в Дагестане и Северной Осетии. «Кавказ изучали издавна, – подчеркивал председательствовавший на съезде Народный комиссар просвещения Дагестана А. Тахо-Годи, – но старый режим не придавал систематического характера этому изучению. При новом советском строе в сознании масс не может быть темных мест, ибо на пробуждении сознания масс строится Советская власть. Поэтому вопросы краеведения, как универсального знания, должны быть поставлены и выяснены в первую голову»¹⁹.

С интересом было выслушано выступление Н.Я. Марра. В нем он охарактеризовал возможности практического использования краеведческих знаний при решении социально-экономических проблем. Учитывая особенности культурно-исторической ситуации в регионе, актуально прозвучало высказанное им положение о необходимости преодоления «искусственно созданной условиями прежней ответственности культурной отсталости местных народов». В этом смысле значимую роль он отводил развитию краеведения. «Краеведение, – подчеркнул он, – самосознание страны»²⁰.

В ходе обсуждения проблем развития краеведения особую остроту приобрел вопрос об освоении научными работниками марксистских исследовательских методов. Но, учитывая реальное «кадровое» положение, было принято решение соотносить его постановку с интенсивной подготовкой научных кадров, с увеличением числа коммунистов в среде научных работников, характером исследовательской проблематики²¹.

На съезде был принят устав Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации, в котором определялись ее цели, формы деятельности, состав, управление, средства, порядок ликвидации. Ассоциация ставила задачу всемерного содействия развитию сети краевед-

ческих организаций, проведению планомерной научной работы, популяризации краеведческих знаний. Намечался весьма широкий круг деятельности, тем не менее, он воспринимался вполне реалистично.

Создание ассоциации Северо-Кавказских горских краеведческих организаций получило полное одобрение Главнауки, стремившейся к созданию «на местах» крупных координационных центров, позволяющих более «плотно» контролировать научную деятельность. О постоянном внимании к северокавказскому региону свидетельствовало систематическое включение «местных» вопросов в повестки совещаний, проводимых Главнаукой. Историки, этнографы, археологи, лингвисты Северного Кавказа выступали с сообщениями на краеведческих съездах и конференциях в Москве, Ленинграде, Ростове, Краснодаре, Махачкале, Пятигорске, Баку, Сухуми²². В обсуждении проблем кавказоведения принимали участие крупнейшие ученые страны – востоковед, академик С.Ф. Ольденбург, лингвист, академик Н.Я. Марр и др.

В качестве первостепенной выдвигалась задача развития сети научно-исследовательских учреждений в национальных областях. Наиболее типичным стало преобразование краеведческих обществ и организаций в научно-исследовательские институты краеведения. Этот путь практически прошли все научно-исследовательские институты Северного Кавказа. В 1924 году в Махачкале было открыто первое учреждение подобного типа – Дагестанский научно-исследовательский институт, преобразованный в 1928 году в Институт культуры. В 1925 году организован Северо-Осетинский научно-исследовательский институт, а в 1926 году аналогичный институт был создан в Ингушетии²³.

Именно вокруг них проходила концентрация немногочисленных научных сил. Их организация рассматривалась как важнейший шаг «в области выявления и разработки элементов национальной культуры»²⁴. Институты вели разработку естественно-экономических и культурно-исторических тем, осуществляли подготовку кадров, создавали специальные музеи и библиотеки. Сотрудниками институтов были подготовлены и изданы первые работы по ис-

тории народов Северного Кавказа, вопросам хозяйственного и культурного развития²⁵.

По мере развития северокавказского краеведения накапливались, периодически обостряясь, различного рода противоречия. Неоднократно возникали серьезные трения, связанные с притязаниями национальных областей на «свои» сферы научного влияния, основанные на утверждении, что именно памятники, находящиеся на их территории заслуживают первостепенного экспедиционного обследования. Конфликты возникали и тогда, когда партийные или советские органы пытались отменить решения, коллегиально принимаемые на краеведческих собраниях²⁶.

В связи с проведением на Северном Кавказе районирования встал вопрос о закрытии краеведческих организаций «общекраевого» значения. В это число попал Северо-Кавказский институт краеведения – предлагалось институт закрыть, а принадлежащее ему имущество: фонды музея, архивы, научную библиотеку разделить между национальными областями края. Этот вопрос оказался в центре внимания Северо-Кавказской конференции по вопросам культуры горских народов (июнь 1925 г.). К чести делегатов конференции эта идея не нашла поддержки: настойчиво предлагалось сохранить единый центр научного кавказоведения²⁷.

Вопрос о судьбе института неоднократно обсуждался на всех уровнях. Как правило, в принимаемых решениях подчеркивалась «нежелательность разрушения и развала» местных краеведческих центров, особенно такого, как Северо-Кавказский институт краеведения, имеющего научную базу, кадры, опыт исследовательской работы. В ходе обсуждения вносились предложения о создании центра кавказоведения в Москве, и даже в Ленинграде, учитывая, что именно в этих городах сосредоточены основные научные силы. Но подавляющее большинство общественных и научных деятелей Северного Кавказа хорошо осознавали, что эти фантастические проекты не имеют серьезных оснований. Сохранение подобного института имело смысл только при условии, что он сможет стать объединяющим началом, координировать деятельность местных научных организаций, «корнями вращать в их заботы, трудности и проблемы»²⁸.

В ноябре 1926 года Совнарком РСФСР принял решение о создании Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института краеведения в Ростове-на-Дону²⁹. В феврале 1927 года институт был открыт, в его задачу входило руководство всей научно-исследовательской работой в области экономического и культурного развития, подготовка национальных кадров научной интеллигенции³⁰. Институт имел три отдела: социальной культуры (заведующий А.Н. Тарасов), экономический (заведующий доц. А.И. Гозулов), естественно-производительных сил (заведующий проф. П.М. Ерохин). К работе в институте было привлечено 118 научных сотрудников. Директором стал У.Д. Алиев. При институте была создана научная библиотека по кавказоведению³¹.

Решая вопрос о создании института партийные и советские организации региона стремились сохранить уже сложившиеся в национальных областях краеведческие организации, упрочить их материальное положение. Было решено оставить во Владикавказе научный музей, действовавший ранее при краеведческом институте, передать Владикавказскому педагогическому институту обширную краеведческую библиотеку, чтобы книжным фондом «могли пользоваться все горцы», обучающиеся в институте³².

Одним из основных направлений деятельности института стала подготовка кадров научных работников для национальных областей. С этой целью создавались подготовительные группы при аспирантуре, использовалась система прикомандирования практикантов, перевода наиболее способных из них в научные сотрудники³³. В 1929 году из 13 научных практикантов 10 были направлены национальными областями. При направлении в аспирантуру жестко соблюдались требования классового, партийного и национального соответствия³⁴.

Явственно проявлялось стремление установить взаимосвязь идейно-теоретического уровня научных работников с результативностью их труда. В качестве одной из первостепенных задач повышения эффективности исследовательской работы по изучению истории, культуры и экономики национальных областей отмечалась необходимость углубления ее «идеологической направленности» на основе марксистской ме-

тодологии. Подобная позиция не явилась чем-то исключительным, скорее это было выражением определяющей тенденции. В частности, в статье, посвященной итогам работы Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института, поднимался вопрос о безыдейности и аполитичности отдельных исследований. Особо подчеркивалось, что основная причина этого кроется в «шаткости теоретических позиций» старой профессуры, составлявшей основную часть научных работников³⁵, недостаточном овладении марксистско-ленинской методологией научных исследований³⁶.

Действительно, *новые* методологические принципы с большим трудом утверждались в сознании *старой* научной интеллигенции, часть которой, так и не сумев овладеть ими, отошла от исследовательской деятельности. Потребность в национальных кадрах «достаточно квалифицированных и достаточно связанных со своими национальными областями, а также владеющих марксистским методом» приобретала все большую остроту³⁷.

Под «нажимом» политических «установок» научные центры при планировании работы все более исходили из максимальной связи изучаемых проблем с экономическими, хозяйственными и культурными потребностями национальных областей. В тематике научных работ стало заметно, явное преобладание исследований естественно-экономического характера (почвоведческих, геологических, биологических), нацеленных на изучение природных ресурсов Северного Кавказа³⁸.

Тем не менее, несмотря на усиливающуюся прагматическую ориентацию исследований, в публикациях первых лет настойчиво ставился вопрос об актуальности, срочности и неотложности исторического и этнографического изучения народов Северного Кавказа. «У огромного числа освободившихся после Октября народов, – писал С. Суюх, – помимо отсутствия письменности, литературы, есть еще и другое несчастье, это – отсутствие писанной истории. Мало этого. У них нет и источников, по которым можно было бы восстановить картины своего исторического пути, своей многообразной жизни»³⁹.

Итоги развития научно-исследовательской деятельности в регионе подвела I конференция

научно-исследовательских и краеведческих учреждений и организаций горских автономных образований, проходившая 12-14 июля 1926 года во Владикавказе. В ее работе участвовали представители Осетии, Ингушетии, Чечни, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи, сотрудники Северо-Кавказского института краеведения, члены бюро Северо-Кавказской ассоциации краеведческих организаций⁴⁰.

В резолюции, принятой по докладам с мест были выделены процессы характеризующие развитие научной работы в национальных областях: рост краеведческих организаций, укрепление их материального положения, привлечение к научной деятельности националов, повышение общественной активности и интереса к краеведению «горских масс»⁴¹.

Перспективы развития краеведения большинство участников конференции связывали с деятельностью единого координационного центра, способного придать больше согласованности действиям существовавших научных организаций⁴². Тем более, это было важно, так как проведенное учетное анкетирование зафиксировало интенсивный рост краеведческих организаций: с начала 1920 года их число увеличилось почти в 7 раз и составило более 150 (не считая опытных станций и научных обществ)⁴³.

В современной историографии сложилась некоторая недооценка 20-х годов в истории становления исторической науки на Северном Кавказе. Несмотря на наличие широкого круга разнообразных источников (статистических материалов, отчетной документации, текущего делопроизводства научных организаций), накопленного опыта изучения темы исследователи считают эти годы периодом, не оказавшим заметного влияния на становление исторической науки. Тем не менее, при всех сложностях развития науки в эти годы, нельзя отрицать того факта, что Северный Кавказ вошел в число немногих регионов, где уже в первые послереволюционные годы, краеведческая работа была наиболее четко организованной и результативной⁴⁴. Широкое обращение исследователей к историческому прошлому народов, конечно, не давало немедленных «практических результатов», но в дальнейшем исследование проблем археологии, этнографии, фольклористики, морфологии стало базой, фундаментом для раз-

вития важнейших направлений научного кавказоведения.

Примечания:

- ¹ В 20-е г. термины «краеведение» и «кавказоведение» использовались как синонимы.
- ² Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (Итоги и перспективы). К предстоящему съезду горских народов. Ростов н/Д., 1926. С. 42-43.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ-А). Ф. 2307. Оп. 9. Д. 47. Л. 111.
- ⁴ См.: Лунин Б.В. Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии (1922-1926 гг.): Очерк работы за 4-летний период. Ростов н/Д., 1926.
- ⁵ Жизнь национальностей. М., 1923. Кн. 5. С. 156.
- ⁶ ГАРФ – А. Ф. 2307. Оп. 9. Д. 223. Л. 25.
- ⁷ Там же. Л. 25 об.
- ⁸ Там же. Оп.10. Д. 225. Л. 42.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Д. 197. Л. 15.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Год работы Центральной Комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров (ЦЕКУБУ) дек.1921 г. – дек.1922 г. М., 1922. С.7.
- ¹³ Там же. С.16.
- ¹⁴ Там же. С.18.
- ¹⁵ Терек.1922.21 декабря.
- ¹⁶ ГАРФ – А. Ф.2307. Оп. 10. Д. 245. Л. 87, 87а, 107.
- ¹⁷ Там же. Д.41. Л.27 об.
- ¹⁸ Учредительный съезд Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации. Пятигорск, 1924. С.5-6.
- ¹⁹ Там же. С.8.
- ²⁰ Там же. С.22.
- ²¹ ГАРФ – А.Ф. 2307. Оп.9. Д.24. Л. 16 об.; Д.47. Л. 115.
- ²² ГАРФ – А. Ф. 2307. Оп. 9. Д. 223. Л. 25 об.
- ²³ Краевой горский институт: Доклад о деятельности института в комиссии Государственного Ученого Совета 27 июня 1929 г. // Записки СККГНИИ. Т.2.1929. С. 304-305.
- ²⁴ Хасиев А.П. Хозяйственное и социально-культурное строительство Северной Осетии: (По материалам Осплана). Владикавказ, 1928. С.53.
- ²⁵ Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. Ч.1. Владикавказ, 1926; Крестьянские бюджеты Северной Осетии: Сборный выпуск. Владикавказ, 1926; Памятники народного творчества Осетии. Нартовские народные сказания. Владикавказ. Вып. 1. 1925; Вып. 2. 1927; Дагестанский сборник. Махачкала, 1927. Вып. 3 (Первые изданы в 1902 и

- 1904 г.); Маллачиханов Б. О прошлом Аварии. Махачкала, 1928 и др.
- ²⁶ ГАРФ – А.Ф.2307.Оп.10. Д.244.Л.27.
- ²⁷ Там же. Д. 245. Л. 1 об.
- ²⁸ Там же. Д. 244. Л. 75.
- ²⁹ Протоколы и резолюции заседаний 1 краевой конференции научно-исследовательских и краеведческих учреждений и организаций горских автономных образований Северо-Кавказского края. Ростов н/Дону, 1926. С.8-9.
- ³⁰ Бюллетень Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов н/Д., 1927. № 1. С. 5-7.
- ³¹ Ерохин П.М. Отчет о деятельности Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института с 1 марта 1927 г. по 1 июня 1928 г. // Записки СККГНИИ. 1928. Т.1. С.227-230; Гозулов А. Краеведение и задачи Северо-Кавказского научно-исследовательского института // Революция и горец. 1928. №1. С. 48-50; Буркин Н.Г. Краевой горский научно-исследовательский институт на переломе // Там же. 1930. №11. С. 53-59 и др.
- ³² Протоколы и резолюции заседаний 1 краевой конференции научно-исследовательских и краеведческих учреждений и организаций горских автономных образований Северо-Кавказского края. Ростов н/Дону, 1926. С.8-9.
- ³³ Краевой горский институт: Доклад о деятельности института в комиссии Государственного Ученого Совета 27 июня 1929 г. // Записки СККГНИИ. 1929. Т. II. С. 314.
- ³⁴ Там же. С. 296.
- ³⁵ Черняев П.Н. Из истории кавказоведения // Сборник статей по вопросам культуры. Ростов н/Д., 1928. С. 21.
- ³⁶ Ситковский Е.О. О некоторых итогах работы и задачах Горского научно-исследовательского института // Революция и горец. 1930. №3. С.58.
- ³⁷ Там же. С. 59.
- ³⁸ Христианович В.П. Горная Ингушетия: К материалам по экономике альпийского ландшафта. Ростов н/Д., 1928; Варданьянц Л.А. К геолого-петрографической характеристике Горной Осетии. Ростов н/Д., 1928; Акимцев В.А. Почвы Малой Чечни. Ростов н/Д., 1928; Виноградов С.И. Луга горной Чечни. Ростов н/Д., 1928 и др.
- ³⁹ Сиюх С. Неотложная задача // Революция и горец. 1930. № 3. С. 78.
- ⁴⁰ Протоколы и резолюции заседаний 1 краевой конференции научно-исследовательских и краеведческих учреждений и организаций горских автономных образований Северо-Кавказского края. Ростов н/Дону, 1926. С.5.
- ⁴¹ Там же. С.14.
- ⁴² Там же. С.13.
- ⁴³ Ямпольский М.Л. Краеведческие организации и учреждения на Северном Кавказе // Вестник просвещения на Сев. Кавказе. 1927. №3. С.62-73; Он же. Северо-Кавказское бюро краеведения // Записки СККГНИИ. Т.1. 1928. С.245.
- ⁴⁴ ГАРФ – А. Ф. 2307. Оп. 9. Д. 47. Л. 105.